

СОЛДАТСКОЕ БЕССМЕРТИЕ

На моем письменном столе лежит сверкающий глянцем фотоснимок скульптурного монумента. Кругом высятся деревья в своем обычном изумрудном убранстве. Я вижу цветистое лето, безоблачное небо над ним, слышу шелест листьев, ощущаю нежное дыхание вечно живой, вечно обновляющей природы. На массивной плите из бетона отлит пьедестал с надписью: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины». На пьедестале — победитель с автоматом, в походной накидке, откинутой за спину. На прижатой к груди левой руке — фронтовая каска. Он похож на себя и на всех. И на устах всех, и в списках личного состава Советской Армии он живет под одним именем — Солдат. Он замер в скорбном молчании, отдавая воинскую почесть ушедшим в небытие соратникам по оружию. Благоговейно он смотрит на землю, им спасенную, пропахшую дымом пожарниц и порохом, обильно политую кровью погибших и слезами живых...

А там, под бетоном надгробия, лежат его боевые друзья. Сто двадцать шесть. В селе Карабутово Конотопского района Украины им сооружен памятник — символ солдатского бессмертия. Это они, сто двадцать шесть, поставили на пьедестал однополчанина нести почетный караул, постоянно напоминая сегодняшнему и будущим поколениям о чудовищном порождении века — фашизме, принесшем столько неизбежного горя и страданий человечеству. Этот солдат безмолвен. Но все проходящие мимо и кто останавливается поклониться ему, слышат повелительный голос Земли: люди, будьте бдительны! Люди, берегите мир!

Сто двадцать шесть... Рабочий, колхозник, ученый... Отец или сын, брат или жених... Русский или украинец, белорус или мариец, узбек или татарин... Много лет они покоились под одиночными холмиками в разных местах Конотопщины, где проходили огневые рубежи Центрального фронта осенью 1943 года. Потом их вырыли и бережно перенесли в одну братскую могилу.

Сто двадцать шесть... Мы не знаем о каждом, кто он. Но об одном знаем достоверно: любой из ста двадцати шести — наш земляк Хаким Хасанов. До войны он жил в столице Марийской АССР, трудился на железнодорожном транспорте ремонтным рабочим дистанции пути. Военком Конотопского объединенного военкомата в декабре 1965 года прислал фотографию монумента и письмо, в котором сообщал: *«По установленным данным через председателя Карабутовского сельсовета Хасанов Х. Х. погиб в селе Нехаевка. Был облит керосином и сожжен. Останки захоронены в селе Нехаевка. В 1956 году произведено перезахоронение в братскую могилу села Карабутово Конотопского района. В настоящее время производится уточнение погибших и захороненных в братской могиле, после чего будут производиться соответствующие надписи...»*

* * *

Хаким родился на год раньше Советской власти. Детство его прошло в селе Параньга, а порог первого класса татарской школы он переступил на земле Моркинской, в Тат-Кушне Семисолянского сельсовета. Там он изучал и русский язык, на котором разговаривал свободно. Рано мальчику пришлось расстаться со школьной партией и приучаться самому зарабатывать. Мать хотела устроить сына на производство и с этим намерением переехала ближе к Йошкар-Оле, обосновавшись на 89-м километре железной дороги. Здесь Хаким принес матери первую небольшую зарплату, а вместе с ней и первую радость. Мать видела в сыне взрослеющего кормильца, сознание же молодого рабочего простиралось дальше этого. Теперь труд в коллективе стал для него главной школой воспитания и закалки. В двадцать лет Хаким приобрел специальность путейца и почувствовал, как он нужен на этом поприще

людям, обществу. От него, путейца, зависит безопасность движения на железной дороге, особенно на новой, какой была тогда дорога до Зеленого Дола.

В то же самое время на станции Йошкар-Ола начала трудиться белорусская девушка Шура Тризно. Иногда она приезжала по делам на 89-й километр. Там и познакомилась с Хасановым, очаровательным черноглазым пареньком. Завязалась дружба, скоро перешедшая в любовь. Первая, чистая, искренняя любовь, полная юношеских надежд, зажгла их сердца. Шура звала друга русским именем — Мишей. Так он сам пожелал, так ему больше нравилось. В конце 1937 года юношу призвали в армию. Дальний Восток, станция Угольная — это был его почтовый адрес. Оттуда и прибыл Хаким на фронт кадровым солдатом...

Шура Тризно — ныне Стрельникова — по сей день работает на станции Йошкар-Ола в отделе розыска грузов. Ей сейчас под пятьдесят. Я попросил Александру Яковлевну рассказать, каким сохранился в ее памяти юный Хасанов.

— Мне тогда было лет семнадцать, — вспоминает Александра Яковлевна. — Дружили мы года полтора. Знаю, что работал Миша очень хорошо, последнее время его поставили бригадиром. Помню, был он парнем веселым и отчаянным, любил находиться среди молодежи, не уединялся. Как мы тогда говорили, колхозный парень Разговорчивый, всем интересовался. Наверно, как все в молодости... Перед уходом в армию переехал с матерью в город. Жили они около станции в рабочем бараке. Миша часто приходил к нам домой. Покушаем вместе, посидим, а потом в кино или на танцы сходим. Мои родители хорошо относились к нам. Только Мишина мама не хотела нашей дружбы, держалась старых национальных обычаев. Он переживал и все успокаивал меня. Пока служил на Дальнем Востоке, мы переписывались, а потом связь оборвалась навсегда. Сами знаете, какой буйной бывает юность...

Александра Яковлевна поведала один печальный эпизод тех дней. Хаким был тем молодым человеком, который не признавал устаревших семейно-бытовых традиций и стремился идти новым путем во взаимоотношениях с подругой юности. Чувства его были глубоки и ясны, убеждения — неизменны, решение — твердое. Но мать... Как ее переломить, возможно ли это вообще? Ведь она тоже любит сына, он у нее единственный... Хаким ссорился с матерью, убеждал ее в правильности сделанного им выбора. Она же была неумолима и однажды в пылу сильного раздражения прогнала сына. Даже после этого Хаким не смирился, не стал упрашивать мать, а собрал свои пожитки и перешел в общежитие. Это случилось перед самым его отъездом. Шура приготовила ему, что могла, на дорогу, и вместе они пришли на вокзал. Тяжко было на душе у обоих от столь нелепого расставания с матерью, да еще в такой момент... Но тут Хаким ничего не мог поделать: он не хотел

ослушаться мать и не мог с ней согласиться, не мог отдать себя в плен традициям, противоречившим его юношескому мироощущению.

— Не обращай, Шура, внимания на маму,— говорил Хаким.— Я тебя люблю...

Было уже морозно, и перрон был пуст. Они стояли в тамбуре вагона и говорили друг другу прощальные слова, от которых им обоим было так тепло... За несколько минут до отхода поезда Шура увидела появившуюся только что на перроне пожилую женщину. То была мать Хакима: не вытерпело материнское сердце... Она медленно шла вдоль состава, заглядывая в каждое вагонное окно с надеждой увидеть своего Хакима и, может быть, даже извиниться перед ним... Тогда она не могла знать, что это было последнее свидание с сыном... В руках мать держала маленький узелок...

— Я позову ее,— сказала Шура взволнованно,— поезд скоро тронется.

— Не нужно,— возразил Хаким.

Но Шура в один миг очутилась на перроне. Подбежав к женщине, она поздоровалась и торопливо проговорила:

— Идите во-о-он в тот вагон, осталось мало времени...

Шура ушла. Было морозно и пустынно. И ей было слышно, как паровоз, отдав пары и зычно просвистев, укатил за собой пассажирский состав...

Осенью сорок третьего ему шел двадцать седьмой. Он был командиром пулеметного расчета, по званию — старший сержант. 10 сентября курсантский стрелковый батальон вступил в бой за село Нехаевка. Может быть, тогда над полем боя стояло в зените солнце и вечером пылал закат... Может быть, надоедливо моросил дождь... Но знаю наверняка: пулеметчику Хасанову было жарко от внутреннего огня и невероятного физического напряжения. Солдат горел жаждой разгрома врага, волей к победе, верой в победу. Иначе не были бы повержены рабство и бесчеловечность.

Обреченный враг жесточал. Почва ускользала из-под ног его. Он же не хотел уходить, цепко держался за каждую пядь захваченной земли, яростно бросался в атаки, останавливался, снова бросался. Хаким Хасанов выдвинулся далеко вперед боевых порядков, открыл огонь. Уложил больше тридцати фрицев и гансов. Атака захлебнулась. Тогда противник подтянул резерв. Земля вокруг содрогалась от взрывов. Пулеметчик тяжело ранен, истекает кровью, а оружие его живет, отвечая огнем. Вдруг кончились патроны, умолк пулемет. Беспомощного Хасанова фашистам удалось захватить в плен...

Солдаты опечалены утратой удивительно смелого и выносливого пулеметчика, грозы и гордости батальона. Но на войне не плачут, когда прощаются с любимым другом. Прощание сплачивает, укрепляет ряды, ибо войной движут любовь и презрение. Нехаевка скоро была очищена от оккупантов. Так скоро, что гитлеровцы не успели замести следы зло-

деяния. Даже обескровленный, замученный пытками советский воин нагонял на них страх. Палачи отрубили Хасанову голову, облили горючим и подожгли, чтобы не встретиться с ним вновь. Эта расправа произошла на третий день после боя.

Обреченный всегда чего-либо боится. Даже призрака. Они боялись и тогда, когда на площадях нацистского Берлина швыряли в костры бесценные творения человеческого гения; и тогда, когда в газовых печах лагерей смерти сжигали миллионы невинных жертв фашистского разбоя; и тогда, когда пленников живыми зарывали в могилу... Боялись расплаты и надеялись зверствами остановить ее приход.

Но расплата надвигалась неотвратимо. Веру в этот час, грозный и неумолимый, Хасанов унес с собой. Жители Нехаевки рассказывали, что фашисты добивались от него военной тайны. Мужественный и непокоренный, он бросил им в лицо: «Коммунисты Родину не продают! Наши скоро придут и отомстят за меня...» Бойцы обнаружили тело Хасанова в саду. Там и вырос земляной холмик. Над священной могилой героя отгремел прощальный салют, прозвучала клятва отомщения.

Солдаты ушли. Их ожидали новые бои и лишения. Сколько их впереди! Тогда никто этого не мог знать. Сегодня мы знаем, что от сентября сорок третьего до мая сорок пятого — двадцать месяцев продвигались однополчане Хасанова сквозь дым и кровь непрерывных сражений. И всегда с ними был Хаким — вдохновляющий пример беззаветного служения Отечеству. Подвиг в сентябре — последний, но не единственный. Война отвела ему всего год жизни на огненном рубеже и вечность — в памяти народной. Что такое год в человеческой истории? Меньше, чем миг. А на войне — это очень много. Человек на войне может жить и день, и даже один лишь час. Может «распечатать» одну только обойму или выпустить только один снаряд. А может и строчку не успеть написать в отчий дом. В этом смысле наш Хаким оказался счастливым, он успел много сделать для блага народа, для человечества. Хотя номер полевой почты так и не успел прислать подруге юности...

На календаре — февраль. Двадцатое число. Бой за село Толкачевку. На фланге — Хасанов с пулеметом. Проливным свинцовым дождем отрезал пехоту от танков, уничтожив 84 вражеских солдата и офицера. Противник бросил против батальона до двух пехотных полков и 36 танков. Прямым попаданием снаряда выведен из строя пулемет, ранен пулеметчик. Но Хасанов не покидает рубеж, пускает в ход гранаты. Убито еще 34 солдата. Бой выигран.

На календаре — март. Шестое число. Бой за освобождение села Конопляновка. Хасанов уничтожает 67 солдат и офицеров противника.

На календаре — август. Двадцать шестое число. Прорыв укрепленной обороны. По наступающему батальону бьют все виды оружия. Хасанов снова впереди, расчищает путь своим боевым порядкам.

Через три дня батальон сражается за овладение районным цент-

ром — Хомутовкой. Трудно продвигаться, нельзя поднять головы. Подразделения несут потери. Мешают две огнедышащие точки. Хасанову вменяется подавить их. Он делает это блестяще. Ранен командир роты старший лейтенант Козлов. Его заменяет пулеметчик, ротный парторг Хасанов. Возгласом: «Вперед, за Родину!» он воодушевляет бойцов. Сам врывается в расположение противника и в упор расстреливает живую силу. Солдаты делают то же самое. Боевая задача выполняется с предельной точностью. Общее число лично Хасановым уничтоженных фашистов перевалило за две сотни.

И вот на численнике — сентябрь... Впереди — село Нехаевка... Рокковое сражение... Командование представляет Хасанова к высшей награде Родины, посмертно. Заключение Военного Совета 60-й армии лаконично: «Достоин правительственной награды — звания Героя Советского Союза». Подписал командующий армией генерал лейтенант И. Д. Черняховский. 17 октября 1943 года Хасанову присваивается высокое звание.

В наградном документе, написанном командиром батальона, есть всем знакомые слова: «бесстрашный», «мужественный», «подлинный патриот», «инициативный...» Еще комбат написал: «Находясь в обороне, подготовил четырнадцать пулеметчиков. Парторганизация была одной из лучших». И все же кажется, что вместе взятая емкость этих великодушных слов мала, чтобы вместить в нее совершенное Хасановым на полях смертельной битвы двух миров — социализма с фашизмом.

Тогда он был молод. Сегодня поднялось на ноги новое поколение. Многие, работавшие с Хасановым до войны, уже не работают. «Мы все, молодые, знаем Хасанова только по портрету», — ответили мне путейцы. Да и мир повзрослел на целую четверть века. Повзрослел, но не постарел, а стал моложе. С разгромом фашистских орд во второй мировой войне вззошло солнце национального возрождения над европейским, азиатским и африканским континентами. Появился из мрака остров Свободы на американском континенте. Социализм раздвинул свои границы вширь и вглубь. В этом есть заслуга и нашего земляка. Тут нет и малейшего преувеличения. В обыкновенном солдате Хасанове мы видим Советскую Армию, состоящую из ему подобных. Лишь она могла противостоять фашистской машине. Почему? Потому, что солдат, который сражается не за капиталистов, а за себя, за революционную идею, — такой солдат наделен неодолимой нравственной силой, осознанной силой, осознанной готовностью на подвиг.

В клубе железнодорожников Йошкар-Олы, в Марийском краеведческом музее, в городских парках висят большие портреты Хасанова. Красивый молодой воин в буденовке смотрит на нас жгучими пронизательными, торжествующими глазами. Ему тогда было двадцать два, и он не мечтал ни о подвиге, ни о славе. Он просто думал о торжестве жизни, о счастье, как думают все.

У матери Хакима, скончавшейся лет пять назад в глубокой старости, хранилась единственная маленькая фотокарточка сына. Измятая от частого прикосновения рук близких и знакомых, поблекшая от времени. Однажды заведующая клубом железнодорожников, ныне секретарь парткома Галина Степановна Щелупанова пришла домой к матери Героя и спросила:

— Магитап, нет ли у вас фотографии вашего сына?

— Как же, есть, сейчас покажу.

Старушка порылась в книге и через минуту держала в руке бесценную для матери реликвию.

— Вот мой сын,— сказала мать, подавая Галине Степановне карточку.

— Вы доверьте мне эту фотографию? Мы ее увеличим для нашего клуба и для вас...

— А как вы это сделаете?

— Сначала переснимем, потом снова сфотографируем и напечатаем.

— Тогда возьмите,— согласилась мать.

С той поры тысячи, десятки тысяч людей запомнили светлое, обязательное лицо Хакима. Таким он вошел в нашу жизнь на долгие, долгие времена — в буденовском шлеме и смотрящим на мир по-юношески торжествующими глазами.

...Стоит на украинской земле скульптурный монумент ста двадцати шести героям Великой Отечественной войны. Стоит, как символ бессмертия павших, как гимн мужеству и всемогуществу советского Солдата. Подвиг солдатский безграничен в величии и значимости. Прав смерть, они подарили жизнь и счастье другим.

Земной им поклон и хвала в веках!